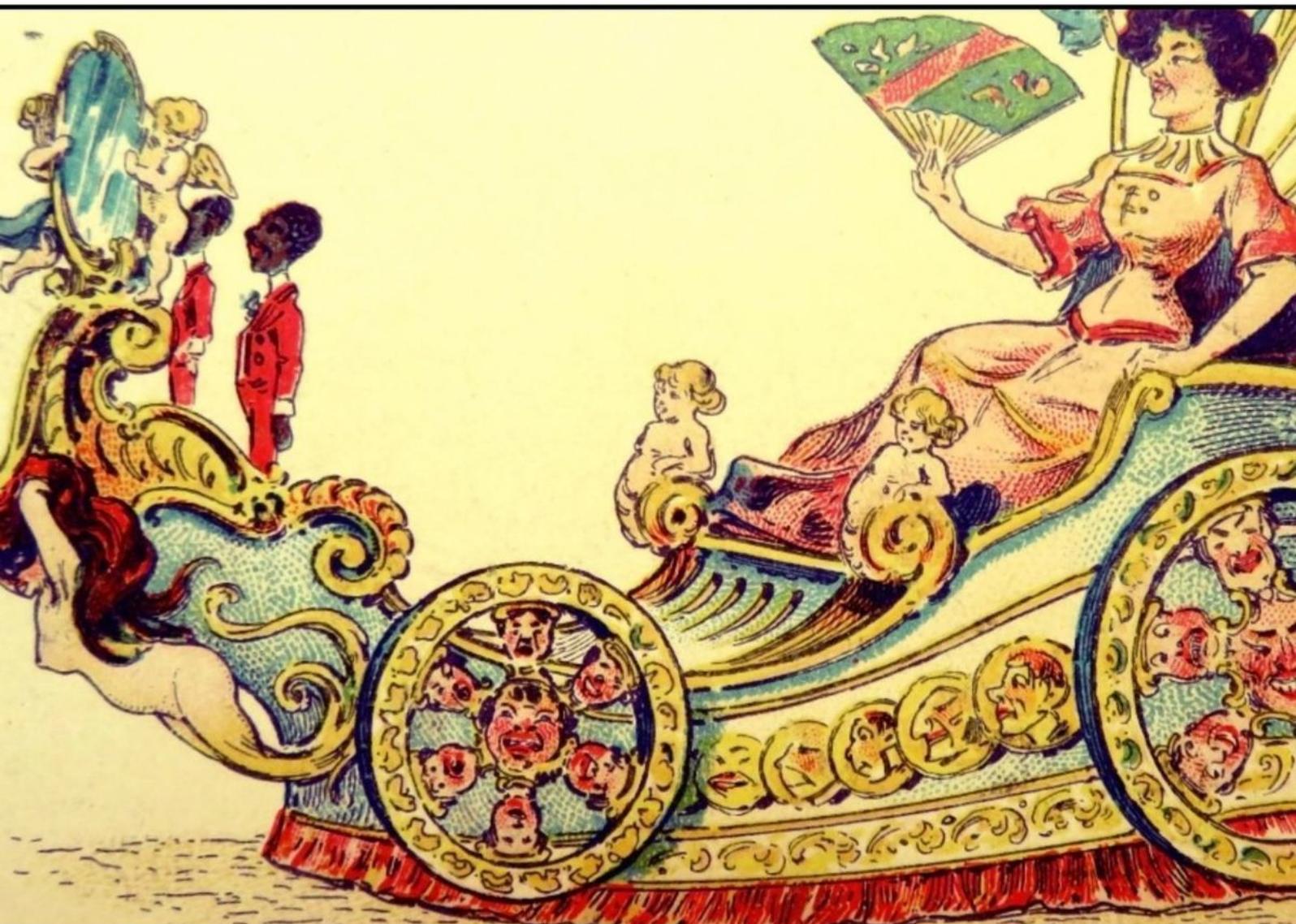

Игорь Кабаретье

Курляндский монах

Игорь Кабаретъе
Курляндский монах

«Издательские решения»

Кабаретье И.

Курляндский монах / И. Кабаретье — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-855600-5

Любовные приключения католического монаха в Курляндии 18 века. Совмещая службу Богу со сладострастными экзерсисами, герой повести на страницах своего дневника проведёт читателя по скрытым от посторонней публики сторонам монашеской жизни.

ISBN 978-5-44-855600-5

© Кабаретье И.
© Издательские решения

Содержание

Предисловие	6
Часть первая	7
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Курляндский монах

Игорь Кабаретъе

© Игорь Кабаретъе, 2019

ISBN 978-5-4485-5600-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Предисловие

В прошлом году я совершил модный по нынешним временам обмен со своим школьным приятелем. Мы с ним, в своё время, как говорится, «по совету друзей», решили не рисковать хранением денег в банке, а прикупили недвижимость за пределами родины, где цены, как нам казалось, на неё никогда не падают. Я купил себе квартиру в Лиепаве, а он в Риге. И вот, после нескольких лет отдыха во время отпуска в своих новоприобретенных апартаментах, мы решили обновить ощущения, и в жарком июле он отправился отдыхать в мои апартаменты в переполненную туристами Лиепаву, на песчаный пляж и море, а я в его квартиру в вымершей в это время года Риге. Скромная трешка приятеля располагалась на последнем этаже старого дома восемнадцатого века в Вецриге. Забрав ключ у портье соседнего дома, я поднялся на этаж под крышей, и попал в квартиру друга. Но я, мои верные, надеюсь, читатели, собираюсь вам рассказать не о прелестях Риги, не о её ночной жизни, а о том, что меня с детства преследует маниакальная страсть к чердакам, где даже в наше время можно сделать удивительные открытия. Вот и здесь, открывая дверь в квартиру, я заметил небольшой лючок на потолке лестничной клетки. Меня тут же охватил такой зуд нетерпения, что едва бросив чемодан в прихожей, я сразу же стал инспектировать квартиру на предмет обнаружения стремянки, и через пять минут в закутке за дверью в маленький чуланчик искомый объект был найден. Я переоделся в тренировочный костюм, и не мешкая отправился в экспедицию под крышу старого рижского дома. Не буду Вам описывать грязь и хлам, что я там обнаружил, знатоки поймут, что это счастье для того, кто ищет, потому что означает, что детальной ревизии этого помещения никто не делал, лишь так, может и копались много лет назад в поисках чего-нибудь весомого и дорогого, да бросили. И вот, среди кучи старых газет, которые сами по себе тоже интересны, я нашел тетрадь в кожаном переплете с золотым обрезом, испещренную рукописным текстом, которую я прихватил с собой. Она была в довольно неплохом состоянии, записи были практически не тронуты временем, а ведь им было больше двухсот лет, так как в конце рукописи я нашел дату – 1800 год, и поэтому при чтении их я не испытывал большого затруднения, Записки эти были столь увлекательны, что вместо прогулок по Риге я провел свой отпуск за чтением жизнеописания одного курляндского монаха, волею судьбы оказавшегося в Риге. Поразмышляв, я пришел к выводу, что может быть содержание этой тетрадки будет интересно не только мне, но и вам, так что я предлагаю рассказ монаха вашему вниманию.

Часть первая

Разрешите представиться. Я – плод несдержанности преподобных отцов Целестинцев города «А» недалеко от Либавы¹ в Курляндии. Я говорю о всех преподобных отцах, потому что все они без исключения похвалялись тем, что поучаствовали в моём рождении. Но вы думаете, что сказав эти слова, я внезапно замолкну? Что эта тема для нас табу, что моё сердце забилось ещё сильнее от страха, из опасения, что меня упрекнут в том, что я собираюсь открыть вам неприглядные тайны Церкви? Ах! Преодолейте свою косность и откройте двери любопытству, которое, я уверен, не раз посещало вас и без моих нравоучений. Разве вас никогда не интересовала скрытая за мощными дверями монастырей жизнь монахов, не как монахов, а как мужчин, которыми они прежде всего являются по сути своей, по рождению? Раз они мужчины, значит у них сохранилась способность к распространению на Земле себе подобных. Да! Вы считаете, что им это не позволено? Как бы не так. Они прекрасно выполняют и эту обязанность, возложенную на них Прародителем!

Возможно, читатель, теперь вы с нетерпением ожидаете, что я начну своё повествование с подробного рассказа о моём рождении, но как бы вы не были рассержены, я не удовлетворю вашего интереса в этом повествовании... по крайней мере в начале его. Пока же считайте меня сыном одного курляндского крестьянина, которого я также долго считал моим отцом.

Атис, а именно так звали этого человека, был садовником загородного дома, который принадлежал целестинцам, в маленькой деревне в нескольких верстах от Либавы, а его жена, Агата, была выбрана ими, чтобы послужить мне кормилицей. Родной сын Агаты, которого она родила, умер в то же самое время, когда я увидел свет, и это событие помогло окутать покрывалом тайнства мистерию моего рождения. Тайно похоронив сына садовника, я был положен на его место... деньги решают всё.

Я незаметно подрастал, всё своё беззаботное детство свято веря в то, что я сын садовника. Осмеливаюсь сказать, тем не менее, надеясь, что мне будет прощена эта маленькая черта тщеславия, что на мои склонности несомненно повлияли особенности моего рождения. Я не знаю, какое божественное влияние оказывают проповеди на самих монахов, но кажется, что ценность клубука и рясы передаётся всем, к кому они обращаются и кого они касаются. Живым доказательством тому была Агата. Это было наиболее бойкое, горячее существо женского пола, настоящая самка, каких я более никогда в своей жизни не встречал. Она была крупной, но аппетитной, лакомой, что называется, женщиной с маленькими черными глазами, курносый носом, живая, похотливая, и всегда одетая более дорого и нарядно, чем другие селянки. Это было превосходное существо для соития, но слишком превосходное для честного человека. Попробуйте теперь осудить монахов!

Что творилось, когда плутовка на людях появлялась в своём облегающем воскресном корсете, сжимающим её талию, поднимая две спелых, всегда загорелых на прибалтийском солнце груши на блюдо, и позволяя видеть два, всё время норовящих выскользнуть из блузки бордовых соска. Ах! Невозможно описать, что я чувствовал в этот момент... но если бы я не был ее сыном, я охотно бы описал вам их качества.

¹ Старое название города Лиепая в Латвии.

У меня рано проявилась склонность, некая предрасположенность к женской половине человечества. Управляемый только своими инстинктами, я не мог пройти мимо девушки, не обняв её, не мог прогуливаться рядом с ней, не взяв её за руку, или любое другое место, которое она мне позволяла приласкать. И хотя я не знал, правильно ли то, что я делаю, моё сердце мне говорило, что я на верном пути и не стоит останавливаться на этой приятной дороге.

Однажды, когда все думали, что я провожу день в школе, я остался в своём маленьком убежище, в своей комнатке, возлежа на кровати, которую лишь простая лёгкая перегородка отделяла от комнаты Атиса, постель которого находилась точно напротив моей. Я спал, истомлённый крайней жарой. Дело происходило в середине лета, и внезапно я был разбужен от сильных сотрясений, буквально раскачивающих перегородку между комнатами. Я не знал, что и подумать об этом шуме, но он лишь удваивался. Прислушавшись, я услышал взволнованные и дрожащие звуки, бессвязные и плохо соединённые слова. «Ах! Тише, моя дорогая Агата, не нужно столь быстро! Ах! Плутовка! Ты меня уворишь своим сладострастием, о Боже, я умираю от наслаждения...! Быстрее... О! Я кончаю... Давай ещё быстрее... Ах! Я умираю...!»

Удивлённый, услышав подобные восклицания и потоком энергии, которую я не мог не почувствовать, и сел на своей кровати, не осмеливаясь сделать ни одного движения, дабы не быть услышанным. Если бы они там, за хлипкой перегородкой, вдруг узнали о моём присутствии, мне было бы чего опасаться. Я не знал, что и подумать о происходящем, и был всем этим крайне взволнован. Вскоре обуявшее меня беспокойство уступило место вполне естественному любопытству. Я снова услышал тот же шум, и мне показалось, что мужчина, голос которого я ещё не узнал, и Агата попеременно повторяли те же самые слова, которые я уже слышал. Хотя я пытался их расслышать всё с тем же тщанием, что и ранее, но тщетно. Желание знать, что происходило в соседней комнате, стало столь живым конце сцены, что задушило все мои опасения. Я решил выяснить, кто был там, и, движимый вполне естественным любопытством, придумал, как мне получить доступ в комнату Атиса, посмотреть, что происходило в соседней комнате, даже с риском для возможных негативных последствий моей научной экспедиции. Я боялся быть наказанным, но сила любопытства была непреодолима. Тихо встав с кровати, я стал искать рукой, пытался нащупать хоть какую-нибудь дырочку, хоть маленькую щёлочку в перегородке между нашими комнатками, через которую я мог бы получить ясное изображение происходящей по соседству бурной постановки. Наконец я сумел проделать щель в перегородке и... О, Боже! Из тьмы я попал в день. Какой спектакль! Совершенно голая Агата, распластанная на своей постели, и отец Адольф, приор соседнего монастыря, оказывается это он всё это время составлял компанию обнажённой Агате, делающей... что? То, что делали наши первые родители, когда Бог им приказал населить землю, но с менее похотливыми подробностями.

Эта сцена была для меня, конечно, совершенно неожиданной, но, к моему удивлению, вызвала реакцию, которую невозможно выразить словами. Я чувствовал, что кровь этого монаха начинает бурлить в моих венах. Меня внезапно обуяли его желания! Счастье этого монаха мне казалось огромным! Неизвестные ранее чувства прокрадывались в мои жилы, лицо моё воспламенилось, сердце трепетало незнакомой ранее дрожью, дыхание стало прерывистым, и пик Венеры, который я взял в руку, обрёл неведомую мне ранее силу и жёсткость, и, казалось, мог поломать перегородку, до которой я ненароком дотронулся им, слишком сильно, сказал бы я. Святой отец, завершив свою божественную работу, отклонился от Агаты, представив её обнажённое тело всей живости моих взглядов. У неё были умирающие от блаженства глаза и лицо, покрытое пунцовым цветом страсти. Она казалась бездыханной, её руки безвольно свисали с края неприхотливого ложа, а грудь, напротив, возвышалась и опускалась

с удивительной поспешностью. Затем она стала сжимать, время от времени, руки в кулаки, испуская при этом тяжёлые вздохи. Мои глаза блуждали с немислимой быстротой по всем частям её тела, и не было ни одного, на котором бы моё воображение не оставило бы тысячу огненных поцелуев. Я целовал соски ее груди, облобызал живот, но наиболее прелестных поцелуев я удостоил то самое место... пониже живота, которое мои глаза не сумели хорошенько рассмотреть, лишь раз успели скользнуть по нему... Вы же меня поняли... Насколько привлекательной для меня оказалась эта устричная раковина! Ах! Какой любезный колорит! Хотя она и была покрыта небольшой белой пеной, этот влажный покров не смог укрыть от моих глаз живость её истинного цвета. Удовольствие, которое я ощущал при виде её лобка, было верхом сладострастия. Раковина была покрыта тенистыми, густыми, черными и вьющимися волосами. И тут Агата вдруг раздвинула свои ноги, казалось, что её распутство согласилось с моим любопытством, так что мне не оставалось желать ничего лучшего!

Монах, восстановивший во время этой небольшой паузы свою силу, снова ринулся в бой, и с новым жаром взгромоздился на Агату, но его желание и мужество было предано его силами, так что, утомлённый бесполезными попытками пронзить её восхитительный стан, я увидел, как он убрал свой инструмент от раковины Агаты, вялый, с низко опущенной головкой. Агата, раздосадованная этим поражением, взяла его посох в руки и принялась тормошить и гладить. Монах вдруг пришел в столь сильное волнение, что, казалось, не мог более совладать с удовольствием, которое он явно стал ощущать. Я рассматривал все их движения в этот момент сугубо с познавательными целями, мне было любопытно узнать, какая природа могла вызвать эти конвульсивные движения святого отца, и искал причину в себе самом. Я был удивлён тем, что почувствовал неизвестное мне ранее удовольствие, глядя на эту сцену, которое ощутимо увеличивалось, и наконец стало столь большим, что я упал, лишившись чувств, прямо на мою постель. Природа прилагала невероятные усилия к постижению нового чувства, и все части моего тела, казалось, напряглись, поддерживая ту его часть, что я ласкал в это время. Наконец, с моего члена внизу живота упал белый ликёр, такой же, сколь большое изобилие коего я увидел чуть раньше на бёдрах Агаты. Очнувшись от моего восторга я возвратился к дыре в перегородке, но было уже поздно, в соседней комнате последний удар был нанесён раньше, и пьеса была уже сыграна. Агата одевалась, а святой отец уже был в рясе, так как, вы прекрасно это понимаете, одеться женщине не так просто, как священнику накинуть своё святое покрывало прямо на обнажённое тело.

Некоторое время мой разум и сердце пребывали буквально в оглушённом состоянии под впечатлением приключения, свидетелем которого я только что оказался, сродни тому, которое испытывает человек, только что поражённый вспышкой неведомого доселе света. Я двигался из одной неожиданности в другую, и знания, которые природа вложила в моё сердце, стали множиться с невероятной быстротой, я познавал, открывал их для себя настоль много, как если бы передо мной вдруг разверзлись небеса и рассеялись облака, доселе покрывавшие их. Я вдруг познал причину различных чувств, что испытывал раньше каждый день при виде женщин. Это осязаемое возбуждение плоти при наиболее живых движениях женщин больше не были загадками для меня.

– Ах! – Воскликнул я, – Как я счастлив! Радость удовлетворённой пары в соседней комнате передалась и мне. Должно быть, удовольствие, которое они только что испытали, было огромным. Ах! Как они были счастливы...! Действительно счастливы!

Идея, как заполучить это наслаждение как можно быстрее, поглощала меня, заставляла над этим размышлять. Полная тишина в комнате сменялась моими громкими восклицаниями.

– Господи! – говорил я, – Смогу ли я когданибудь доставить женщине такое же удовольствие, какое святой отец сотворил с Агатой. А женщина мне? Кажется, я умер бы на ней от наслаждения... Да, но для этого, в этом нет сомнения, мне требуется быстро повзрослеть! Или это необязательно...? Конечно, чёрт возьми! Мне кажется, что удовольствие не является естественным приложением в возрасте, значение имеет лишь размер да умение!

Я отправился прочь проветрить свою чересчур возбуждённую голову, и решил для этого пойти в поле за околицу поискать мою сестру Сабину, с которой мне не терпелось поделиться кружившими мне голову новостями. Саби была на несколько лет старше меня, девушка невысокая, но очень красивая блондинка, хотя с немного простоватой физиономией, что соблазнило бы многих счесть её глупой, а потому что она казалась им наивной. У неё были те самые красивые голубые глаза, полные столь приятной мягкости и нежности, что кажется, смотрят на вас без всякого умысла, но при этом производят не меньший эффект, чем взгляд блестящих глаз пикантной брюнетки, бросающей на вас страстные взгляды. Почему это? Не имею понятия, так как я всегда просто довольствовался грубым чувством, не пытаюсь проникнуть в его причину. Но не потому ли это, что красивая блондинка со своим томным бессильным взглядом, кажется, просит отдать ей ваше сердце, а брюнетка хочет похитить его у вас насильно? Блондинка просит только немного сострадания к своей слабости, и этот способ спрашивать очень соблазнителен, вы думаете, что одариваете её только состраданием, а на самом деле вы отдаёте ей любовь. Брюнетка, напротив, хочет, чтобы вы были слабы, ничего не обещая вам взамен. Сердце жандарма, не правда ли? А что думаете об этом Вы, мой читатель?

К своему стыду признаюсь, что мне ещё не приходилось бросать на Саби вожделенных взглядов, редкий случай для меня, страстно желающего всех девушек, которые встречались на моём пути. Справедливости ради нужно сказать, что Саби не жила с нами. Будучи крестницей жены советника городского мэра, которая её чрезвычайно любила и занималась её воспитанием, она жила у них, и я не часто видел сестру. Последний же год она провела в монастыре, и вышла из него только неделю тому назад. Её крестная мать, которая должна была провести некоторое время в Риге, отправила Саби погостить у Атиса. Сейчас же, представив себе Саби, я внезапно почувствовал себя, воспламенённый желанием и вновь приобретёнными знаниями, наставить мою дорогую сестру на путь истинный, и попробовать испытать с нею те же удовольствия, которые я видел только что в исполнении в отца Адольфа и Агаты. Хотя я не был для неё тем, кем святой отец был для Агаты. Мои глаза улыбнулись, обнаружив в памяти неведомую мне доселе силу привлекательности Саби, найдя в ней тысячу волнующих деталей, которых я ранее в ней не замечал. Я вспомнил ее нежно подрагивающую грудку, верх которой зарождался в вырезе её платья, белее, чем лист бумаги, на котором я пишу эти строки, твёрдую, пухленькую. Я уже мысленно целовал и обхватывал губами с невыразимым удовольствием эти две маленькие землянички, которые мне привиделись в конце этих удивительных грудок, но при всей внешней привлекательности этой картины я не забывал и про её главный центр наслаждения, про ту пропасть удовольствий, которая жила между ее ножек, и столь очаровательные изображения которой мелькали непрерывно в моём воспалённом воображении. Оживлённый жгучим и живым жаром, который эти идеи распространяли во всём моём теле, я отправился на поиски Саби. Солнце только что зашло за горизонт, и надвигались сумерки. Мне казалось, что под прикрытием темноты ночь будет покровительствовать моим желаниям, если я найду сестру. Мне повезло, я издали заметил Саби, собирающую в темноте цветы. Она не подозревала в этот момент, что я рассчитываю забрать наиболее ценный цветок из её букета. Я летел к ней, как на крыльях, но внезапное колебание замедлило живость моего бега. Я вдруг задумался о том, как мне лучше познакомить её со своими намерениями, чтобы не вызвать

внезапного приступа гнева. По мере того, как я приближался к ней, я всё больше думал о том, что должен соблюсти внешнюю невинность, ведь меня сдерживало сомнение в успехе моего предприятия. Когда я подбежал к Саби, моё учащённое от возбуждения сердцебиение, позволило сказать мне только пару слов:

– Что ты делаешь здесь, Саби? – воскликнул я, приближаясь к ней. Я хотел обнять девушку, но она отскочила в сторону, и, смеясь, ответила мне:

– Как! Разве ты не видишь, что я собираю цветы?

– Ах! Ах! – Ответил я, – Цветы?

– О! Как тебе бы это не показалось странным, да, – ответила мне она, и продолжила после маленькой паузы, – разве ты не знаешь, что завтра праздник у моей крестной матери?

Это имя заставило меня задрожать, как будто я опасался, что Саби хочет от меня ускользнуть. Моё сердце за короткое время после сцены с Адольфом и Агатой уже успело выработать себе привычку смотреть на Саби, как на свою собственность, с позиции завоевателя, и возможность её удаления в распоряжение другой персоны, казалось, угрожала мне потерей наслаждения, которое в моем мозгу мне уже по праву принадлежало, хотя я ещё его ни разу не испытал.

– Значит, я тебя не увижу больше, Саби?

– Почему? – ответила она мне, – Ты что, больше никогда не придёшь сюда, ко мне? Но ладно, давай, пойдём, – продолжила она своим прелестным голосом, – помоги мне собрать мой букет.

Я ей не ответил, поскольку в этот момент моя застенчивость внезапно меня покинула, я не опасался быть увиденным, и всё это это благоприятствовало моей отваге. Я тут же бросился на Саби, пытаясь повалить ее на землю, но она меня оттолкнула, тогда я попытался ее обнять, а она отвесила мне хлесткую пощечину. Я всё-таки сумел бросить её на траву, и хотя она попыталась подняться, я сумел ей помешать, и крепко сжав руками, стал целовать её грудь. Саби отбивалась, а я стал просовывать свою руку ей под юбку, но тут она закричала, как маленький демон, защищаясь столь яростно, что я уже стал опасаться, что не смогу преодолеть её сопротивление, и поэтому решил применить маленькую хитрость. Я поднялся, и смеясь, сказал, что ошибался!

– Давай, пойдём, – сказал я ей, – Саби, хочу тебе сказать, что я не хотел тебя обидеть, а лишь желал помочь.

– Да, да, – ответила она мне с волнением, по крайней мере, равным моему, – может быть, но вот и весьма кстати к нам идет и наша мать.

– Ах! Саби, – произнес я, тяжело дыша после проигранной битвы, и желая успеть сказать ей как можно больше, – дорогая моя Саби, не буду тебе больше ничего говорить кроме того, что я мечтаю дать тебе всё то, что ты захочешь!

Новый поцелуй был залогом моей речи, но она над всем этим лишь посмеялась. В это время подошла Агата. Я опасался, как бы Саби не заговорила с ней и не рассказала о произошедшей только что между нами борьбе, но сестра промолчала, и мы возвратились все вместе домой, чтобы поужинать, как будто между нами ничего не произошло.

С тех пор как отец Адольф побывал в нашем доме, он предоставил новые доказательства доброты монастыря для так называемого сына Атиса, в результате чего я был с головы до ног одет во всё новое. В действительности, его уважение ко мне в этом деле менее всего напоминало монашеское милосердие, у которого всегда были очень тесные пределы, а более на отцовскую нежность, которая, обычно, им, монахам, не ведома. Добрый отец подобной расточительностью давал повод к жестоким подозрениям и пересудам о законности моего рождения, но наша деревенщина была добра ко мне, и люди, по крайней мере, напоказ, делали вид, что видят только то, что им хотят показать. Впрочем, кто осмелился бы поднять осуждающий и недобрый взгляд на мотив великодушия преподобных отцов. Это были сколь честные, столь и хорошие люди, их обожали в деревне, ведь они приносили пользу людям и ценили честь женщин, а посему весь мир, все жители в окрестностях были довольны. Но давайте вернемся к моей личности, так как у меня намечалось одно выдающееся приключение.

Несколько слов по поводу моей внешности: у меня было шаловливое лицо, которое нравилось абсолютно всем окружающим. Я был достойно сложен – хитрые глаза, длинные черные волосы, ниспадающие прядями мне на плечи, и великолепно оттеняющие цвета моего лица, который, хоть и был немного смуглым, но это был оттенок дорогого золота, а не древесной золы. Подлинное свидетельство участия в моем происхождении честных и очень добродетельных людей, которым я отдаю знак моей благодарности за это.

Саби, как я об этом уже говорил, сделала букет для госпожи Мелдере (это было имя её крестной матери), жены советника мэра Либавы, усадьба которой, больше похожая на замок, находилась рядом с нашей деревней. Госпожа Мелдере присылала к нам за молоком, чтобы восстанавливать крепость своей груди, беспокоившую её после значительного употребления шампанского, ну и... по некоторым другим причинам.

Когда Саби переделалась в свой миленький короткий наряд, сделавший её ещё более любезной для моих глаз, она попросила, чтобы я сопровождал её к крестной. Мы вместе пошли в замок и нашли госпожу Мелдере в летней квартире, где она принимала воздушные ванны, восседая на тенистой террасе. Вообразите себе даму среднего роста, с коричневыми волосами, белой кожей, некрасивым, в общем-то лицом, на мой, по крайней мере вкус, с красноватыми от чрезмерного употребления шампанского сосудикам, на котором сверкали живые, влюбчивые глаза, а немного ниже располагались поражающие встречных насмерть одним своим видом прекрасные большие груди, как у самых прекрасных женщин в мире. Так что, вполне естественно, что увидев хозяйку усадьбы, первое, на что я невольно обратил внимание – так это на её волшебные груди. Я уже понял, что моя слабость кроется именно в этих двух магических полушариях! Это – то же самое, как если вы держите в руке что-то волшебное, когда вы... Ах! У каждого из вас свои ощущения от взгляда и ощущения на эту прекраснейшую из всех частей женского тела, и вы понимаете, какими словами я мог бы передать свои, если бы мне позволили вольно изложить на бумаге свои чувства... но, увы, цензура...!

Сразу же, как только дама нас заметила, она бросила на нас добрый взгляд, не меняя положение своего тела. Госпожа Мелдере прилегла на диван, положив одну ногу на другую, на ней была только простая белая, довольно короткая нижняя юбка, настолько короткая, что

позволяла видеть её колено, да настолько, что заставляла ваш ум домысливать то, что находилось выше... Еще из одежды на ней был маленький корсет того же цвета, *ret-en-l'air*² из цветной тафты розового цвета, оставлявший для вашего взора возможность увидеть кусочек кружев её нижнего белья и бледной кожи под нижней юбкой, судите сами, с каким намерением! Моё воображение застыло на этой детали туалета в этот момент, и моё сердце за ним неотступно следило, и я тут же понял, что моя судьба с этой секунды состояла в том, чтобы влюбиться во всех женщин, которые явятся перед моими глазами, и это открытие совсем не опечалило меня, а лишь вдохновило на первые свершения на этом пути.

– Ах! Добрый день, моё дорогое дитя, – произнесла госпожа Мелдере, приветствуя Сабину, – итак, ты хотела увидаться со мной? Боже мой...! Какой прекрасный букет ты принесла мне, спасибо! Обними меня! О, настоящий поцелуй от Саби. Какой он сладкий, но, – продолжила она, бросая свой взгляд на меня, – кто этот прекрасный сильный юноша? Как получилось, что девушка такой красоты, которой Бог наделил тебя, может заставить сопровождать себя каким-то незрелым подростком? Впрочем, он тоже красив! – добавила госпожа Мелдере, внимательно осмотрев меня, словно оцупав, с головы до ног.

Я опустил глаза, а Саби ей сказала, что я её брат.

– Твой брат? – удивилась госпожа Мелдере, и продолжила внимательно меня осматривать, после чего удовлетворённо произнесла, – поцелуй меня, мой сын. О! Я действительно хочу, чтобы мы познакомились поближе.

И она поцеловала меня в рот, и я почувствовал, как её маленький проворный язычок крадётся между моих губ, а её рука играет с прядями моих волос. Мне еще, конечно, ничего не было известно об этом способе целоваться, а потому меня этот поцелуй сильно взволнован. Я бросил на неё робкий взгляд, и наткнулся на блеск её глаз, полных огня, которые ожидали, как бы мимоходом, и моего взгляда, и требовали от меня действий. Последовал новый поцелуй той же природы, после которого мне был освобождён путь для дальнейших фантазий, потому что она ослабила свои объятия, открыв дорогу для моих рук. Однако, вдруг, госпожа Мелдере отслонилась от меня, и я совершенно не обиделся на неё за это. Очевидно, что она размышляла над тем, каким должен был быть церемониал моего введения в знания, которыми она хотела поделиться со мной. Я был, без сомнения, обязан этой кратковременной свободе только её размышлениям, возникшим в результате моих неуклюжих действий в ответ на живость её жгучих ласк, разлившихся на меня без всякой осторожности, но эти размышления не были долгими. Хозяйка усадьбы возобновила разговор с Саби, и припев после каждого сказанного ею предложения был достаточно однообразен: «Саби, поцелуйте меня.» Вначале, уважение к столь высокопоставленной госпоже заставляло меня держаться на некотором расстоянии от неё, пока я не услышал следующие слова, обращённые непосредственно ко мне:

– Итак, – произнесла госпожа Мелдере, – не желает ли этот прекрасно сложенный юноша снова припасть ко мне и поцеловать?

Я подвинулся к ней и поцеловал её в щёчку, не осмеливаясь ещё припасть прямо к её устам, но она меня недовольно ударила по заднице, в результате чего я инстинктивно совер-

² Le *ret-en-l'air* – предмет женского гардероба во Франции в XVIII столетии, располагался между жакетом и платьем, и заканчивался на уровне ягодиц, подчеркивая, тем самым, их пышность, и обращая, тем самым, на них внимание окружающих.

шил поцелуй в её губы намного смелее, чем в первый раз. Я вложил в него всю свою страсть, на которую отважился в тот момент. Она же разделяла свои ласки между моей сестрой и мной, обманывая меня по поводу того, что она делала. Ведь я не видел, чем она занималась с Саби. Эта политика обеспечивала справедливость: я был более умел, чем обещало мое бесшабашное и наивное лицо, потому что мне помогала моя сестра, что мне было, на самом деле, неизвестно, а я простодушно принимал всё возраставшее возбуждение госпожи Мелдере на свой счёт.

Мы сидели на диване, и щебетали, казалось, о пустяках, так как госпожа Мелдере оказалась болтуницей. Саби сидела справа от неё, мне же принадлежала её левая сторона. Моя сестра стала все больше посматривать в сад, а хозяйка дома на меня. Она развлекалась тем, что заставляла меня то выпрямлять спину, то она трепала меня за щеку, то давала мне маленькие пощёчины, а я... мне нравилось смотреть и чувствовать эти шлепки, вначале дрожа от страха, а потом от внезапно нахлынувшего желания схватить ее, и тоже слегка ударить по груди, или по... Внезапно и необъяснимо я стал наглым, и моя рука отправилась в путешествие по ее платью. Дама что-то прошептала, пристально посмотрев на меня, засмеялась, и... позволила мне действовать. Моя рука, робкая в начале, но ставшая гораздо смелее после этого молчаливого дозволения, с лёгкостью проследовала от воротничка её блузки вниз, попутно надавив на её пульсирующее горлышко, и с наслаждением остановилась на отвердевшей упругой груди, которая стала резко вздыматься под моей ладонью. Моё сердце затрепетало от радости, ведь моей руке удалось держать и ощущать теплоту, упругость одного из этих прелестных шаров, которых я столь возжелал в последние дни. Я уже собирался поместить на них свой рот, и почти прибыл к цели, когда в прихожей послышался столь же мерзкий в этой ситуации, сколь и назойливый, похожий на проклятый голос демона, голос старосты деревни, завистливого, как казалось, к моему счастью. Госпожа Мелдере, очнувшись от шума, который произвел этот негодяй, прибыв в столь неподходящий момент, сказала мне: «Что ты делаешь, мой хитрый малыш?» Я быстро вытащил свою руку, моя наглость не выдержала подобного упрека, и я покраснел, буквально обомлел, умер от страха. Госпожа Мелдере, увидев мое затруднение, наградила меня легкой прелестной пощечиной, сопроводив её прелестной улыбкой, подтверждавшей, что её гнев был только для проформы, и её взгляд мне подтвердил, что моя смелость ей нравилась гораздо больше, чем визит этого гадкого деревенского старосты.

Итак, он вошёл, этот скучный персонаж! Кашляя и плюясь, чихая и сморкаясь, он произнёс свою торжественную речь, более мерзкую, чем его лицо. Если бы мы были вынуждены выслушать только его, то это было бы ещё пол – беды, но казалось, что у этого негодяя был дар привораживать себе подобных, так что следом за ним назойливо потянулись из соседних деревень ему подобные, чтобы по очереди отвесить госпоже Мелдере низкий поклон. Я злился. Когда хозяйка усадьбы ответила на все эти глупые комплименты, она повернулась в нашу сторону и произнесла: «Ах, вы всё видите сами! Мои дорогие дети, вы просто обязаны завтра поужинать со мной, мы будем одни.» Но мне показалось, глядя на её глаза, что она притворилась, произнося эти последние слова. Хотя, сердце мое находило выгодным поверить ей, поскольку это льстило моему самолюбию.

– Вы придёте, слышите меня, Саби? – продолжила госпожа Мелдере, – и обязательно приведёте с собой этого юношу Витина, а ведь именно это имя тогда носил ваш покорный слуга, мои дорогие читатели. – До свидания, Витин, – сказала она, обнимая меня. На этот раз мне ничего не оставалось делать, как удалиться, и мы с сестрой вышли.

Я чувствовал, что госпожа Мелдере, безусловно, оказала мне честь, и наша игра безусловно имела бы продолжение прямо сегодня, не случись эти непредвиденные визиты всех

этих скучных деревенских комплиментчиков, но то, что я чувствовал к этой даме, не было любовью, а лишь только жгучим желанием делать с женщиной тоже самое, что я молча наблюдал между отцом Адольфом и Агатой. Срок в один день, который госпожа Мелдере мне предоставила, показался мне огромным. Я пытался, по пути домой, направить Сабину на прежний путь любви, напоминая ей случай, приключившийся между нами накануне.

– Как ты проста, Саби! – сказал я ей. – Неужели ты на самом деле полагаешь, что я хотел навредить тебе вчера?

– А что же ты хотел сделать? – ответила она.

– Доставить тебе удовольствие.

– Что! – Воскликнула она с нескрываемым удивлением, – Ты на самом деле считаешь, что прыгнув ко мне под юбку, ты доставил бы мне наслаждение?

– Безусловно. И если ты хочешь, чтобы я тебе это доказал, – продолжил я, – пойдем со мной в укромное место, подальше от посторонних глаз.

Я с интересом смотрел на её лицо и искал на нём хоть какие-то следы, хоть какой-то результат, который должны были произвести на неё мои слова, но не увидел никакой живости, никакого необычного интереса, никакого блеска в глазах. Мы прилегли на траву под дубом, и я тут же запустил ей руку под юбку.

– Тебе же хочется этого, скажи мне правду, моя дорогая Саби? – Продолжил я, глядя ее ножку, но она, сделав вид, что впервые слышит предложение, которое я ей сделал, и произнесла:

– А что это за наслаждение, которое ты мне так нахваливаешь?

– Это, – ответил я ей, – союз мужчины с женщиной, которые обнимаются, которые сжимают друг друга очень сильно в объятиях, и которые лишаются чувств, держась друг за друга, тесно сжатые таким образом. – Я неотрывно смотрел на лицо моей сестры, не упуская из виду ни одного её движения, и заметил, что на нём появился некоторый интерес, и она стала чуть тяжелее дышать.

– Но, – сказала мне Саби с любопытной наивностью, которая мне показалась хорошим предзнаменованием, – мой отец меня иногда прижимал к себе, так, как ты об этом мне сейчас рассказываешь, но я не почувствовала, между тем, никакого удовольствия от этого, того, что ты мне обещаешь.

– Это значит, – продолжил я, – что он не делал тебе того, что хотел бы тебя сделать я.

– А что ты хотел бы мне сделать? – Спросила меня Саби дрожащим голосом.

– Я бы тебе положил, – бесстыдно ответил я ей, – что-то между бёдрами, то, что он не осмеливался туда поместить.

Саби покраснела, но не остановила меня, предоставив мне возможность продолжать свою речь и полную свободу в поиске и выборе подходящих для неё терминов.

– Ты прекрасно знаешь и видишь, Саби, что у тебя есть маленькая дырочка здесь, – сказал я ей, показывая на место, в котором я видел щель у Агаты.

– Ах! Кто тебе сказал об этом? – Спросила она у меня, не поднимая глаза.

– Кто мне об этом сказал...? – Вопрос оказался достаточно сложным для меня, но я быстро нашелся, и ответил, – это... это есть у всех женщин.

– А у мужчин? – продолжила она.

– У мужчин, – ответил я ей, – есть одна пружина, механизм, на том самом месте, где у вас щель. Эта пружина распрямляется, становится твердой, и помещается в эту щель, и вот когда она оказывается в ней, женщина получает то самое наслаждение, которое она может получить только с мужчиной и ни кем другим. Хочешь, я покажу тебе мою? Но при условии, что ты мне позволишь мне попасть в твою маленькую щёлочку... мы будем трогать друг друга и получим райское наслаждение.

Саби зарделась. Мои слова, казалось, её удивили, чувствовалось, что она не совсем поверила мне и не осмеливалась дать разрешение моим рукам совершить путешествие под её юбкой, и со страхом в глазах говорила, что я хочу её обмануть, а потом всем расскажу о происшедшем. Я стал её уверять, что никто в мире не способен вырвать у меня признание, и всё, о чём мы говорили, навсегда останется между нами, что я её не тороплю, и она может хорошенько обдумать дома всё, о чём я ей рассказал, а потом дать мне ответ. Саби согласилась, мы поднялись и пошли домой, продолжая нашу беседу.

Я прекрасно видел, что маленькой плутовке понравился мой урок, и мне казалось, что если я еще раз застану её собирающей цветы, мне не составит большого труда помешать ей закричать, когда я решу помочь ей составить сладострастный букет. Я буквально сгорал от желания закончить с инструкциями и приступить к практическим занятиям, чтобы набраться опыта.

Едва мы нам вошли в дом, как увидели, что пришел отец Адольф, и я тут же разгадал мотив его визита, и совсем уж перестал в нём сомневаться, когда он важным голосом заявил, что пришел на семейный ужин. Атис был далеко от дома, он на неделю уехал в Либаву торговать на рынке. Справедливости ради нужно сказать, что делал он это частенько и почти не затруднял своим присутствием свою жену, а ведь это такое удовольствие для некоторых жён быть освобождёнными от постоянного пребывания в доме мужа, какой бы удобный и хороший он ни был. Ведь муж – это всегда плохой прорицатель. Я не сомневался, что после ужина увижу тот же спектакль, что был сыгран у меня на глазах накануне, и который я сам хотел сыграть с Саби, когда она в поле собирала цветы. Я решил, вполне справедливо, что подобный случай был бы превосходным средством, чтобы продвинуть мои маленькие дела с нею вперед, но пока не стал сообщать ей о намечавшемся спектакле, посчитав, что после маленькой прелюдии, которая обязательно будет разыграна перед нами монахом с Агатой во время ужина, Саби будет лучше подготовлена к представлению.

Монах и Агата не слишком стеснялись нашего присутствия, считая нас мало опасными свидетелями. Я видел, как левая рука отца прокрадывалась загадочно под стол и взбалтывала юбки улыбающейся ему в ответ Агаты, и, как мне казалось, раздвигала свои бедра, чтобы, очевидно, оставить проход к своему лакомому местечку более свободным для ловких пальцев распутника монаха.

А Агата держала, со своей стороны, одну руку на столе, но другая была под ним и, вероятно, имела свободный доступ к тому, что святой отец ей беспрепятственно предоставлял. Этот путь мне был уже известен, поэтому я обращал внимание на мелкие детали, ведь пустяки более всего поражают предупрежденный разум. Преподобный отец к тому времени уже стал вести разговор определённо постанывающим голосом, а Агата отвечала ему тем же тоном, и очевидно, желания их распалились так быстро, что не дожидаясь конца ужина, дабы не быть стеснёнными нашим присутствием, Агата порекомендовала нам с сестрой пойти погулять в саду. Я услышал именно то, что хотел от неё услышать. Мы тотчас же встали и оставили сладкую парочку, увидев на прощание, как их руки отправились в свободное плавание под столом. Завидую их счастью, которое мы нашим уходом дали им возможность постичь, я решил попытаться ещё раз преодолеть сопротивление Сабины без помощи картины, которую я собирался вскоре предложить ее взгляду. Я привел её на аллею из пышных деревьев, густая листва которых делала темноту вечера еще гуще, и которая обещала мне помочь осуществить мои желания. Разгадав мои намерения, Саби не захотела в них участвовать.

– Оставь, Витин, – сказала она мне простодушно, – свои желания при себе, я вижу, чего ты добиваешься, но давай пока просто поговорим об этом.

– Так значит, я всё-таки тебе доставляю удовольствие, – ответил я, – когда говорю об этом? Ты мне в этом только что призналась. Видишь, тебе нравится даже вести разговоры об этом, а теперь представь, какое наслаждение ты испытаешь, если сделаешь это, – продолжал я, взяв руку Саби и прижав её к своей груди.

– Но, Витин, – сказала она мне, – а если... если это мне повредит?

– Как это может тебе повредить? – Ответил я ей, очарованный столь легким, как мне представлялось, препятствием, которое мне предстояло разрушить. – Никак, дорогая малышка, напротив...

– Никак, – прервала она меня, краснея, и потупив взор, – а если я стану беременной?

Это возражение меня сильно удивило. Я не верил, что Саби столь сведуща в этих вопросах, и признаюсь, был не в состоянии дать ей вразумительный и удовлетворительный ответ на этот банальный вопрос.

– Как это, беременной? Кто тебе сказал это? Разве женщины становятся от этого беременными, Саби?

– Без сомнения, – ответила она мне деловым тоном, который меня немного испугал.

– И где ты узнала об этом? – Теперь уже я стал её расспрашивать, так как почувствовал, что настала очередь Саби давать мне уроки. Она мне ответила, что хотела сама мне об этом рассказать, но при условии, что я больше ни с кем этим не поделюсь.

– Я не считаю тебя болтливым, Витин, – добавила она, – но если ты когда ни будь откроешь свой рот и разболтаешь то, о чём я тебе собираюсь рассказать, я тебя возненавижу до самой смерти.

– Клянусь вечно хранить эту тайну, – воскликнул я.

– Давай тогда присядем здесь, – продолжила Саби, показывая на газон, где было удобно беседовать, не боясь быть услышанными. Я, правда, предпочёл бы аллею, где бы нас никто не только бы не услышал, но и не увидел бы, но Саби настояла на лужайке. Мы присели на мягкую траву, и, к моему большому сожалению, в завершении всех несчастий я увидел, как неожиданно вернулся домой Атис. Не имея больше надежды посмотреть в этот раз на спектакль в исполнении нагих актеров, я решил успокоиться и послушать, что мне хотела рассказать Сабина, рассчитывая, что это внесет разнообразие в мою печаль, поразившую меня из-за внезапного возвращения Атиса.

Прежде, чем начать разговор, Сабина потребовала с меня дополнительных гарантий сохранения в тайне её рассказа, и я легко дал ей новую клятву. Она продолжала колебаться, не осмеливаясь начать повествование, но я стал настаивать, и она, наконец, решилась.

– Итак, я тебе верю, – сказала она, – так что, слушай, Витин. Ты будешь удивлён наукой, которую я тебе преподаю, заранее предупреждаю тебя. Ты думал, что рассказываешь мне что-то новое, обучаешь меня неизведанному, но я об этом знаю больше, чем ты, и сейчас ты это поймёшь. Но не расстраивайся из-за этого, считая, что ты не доставил мне удовольствия своими рассказами – девушки любят слышать то, что улаживает их слух и чувства.

– А то как же! Ты говоришь, как оракул, прекрасно видно, что ты пожила в монастыре. Это там тебя научили этому!

– Господи! Конечно, – ответила она мне, – если бы я не побывала там, мне были бы неизвестны многие вещи, о которых я теперь могу рассказывать с полным правом.

– Вот как! Так поделись со мной своими знаниями, – с усилием произнёс я, – умираю от желания услышать о твоих монастырских приключениях.

– Недавно, – продолжила Саби, – одной темной безлунной ночью, я спала глубоким сном в своей комнате в монастыре и внезапно пробудилась, почувствовав возле себя совсем голое тело, которое прокралось в мою постель. Я хотела закричать, но кто-то зажал мне рот, произнеся: «Замолчи; я не хочу тебя обидеть... разве ты не узнаешь сестру Эмму?» Эта сестра только недавно одела на себя покров послушницы и стала моей наилучшей подругой.

– Господи Иисусе, – сказала я ей, – моя подруга, зачем ты пришла, что ищешь ты, моя дорогая, в моей постели?

– Дело, в том, что я тебя люблю! – ответила она, обнимая меня.

– А почему ты полностью голая?

– Всё потому, что очень жарко, а моя рубашка слишком тяжела для такой погоды, поэтому я спала у себя в комнате голая. Вдруг пошел этот ужасный дождь, я услышала раскаты грома, и испугалась. Ты разве не слышишь его? Как он гремит! Ах! Прижмись ко мне посильнее, мое маленькое сердечко, давай с головой накроюсь простыней, чтобы не видеть эти гадкие молнии. Вот так, хорошо! Ах! Саби, дорогая, я боюсь!

А я совершенно не боюсь грома, поэтому попыталась успокоить сестру, которая, тем временем, просунула своё бедро прямо у меня между ног, и, в этом положении, стала тереть им то самое моё место у основания ног, одновременно целуя меня таким образом, что её язык проник мне прямо в рот, а рукой она наносила мне легкие удары по попке. После того, как сестра Эмма немного подвигалась таким образом, она застонала и я почувствовала, что она немного оросила мне чем-то бедро. Я подумала, что виной тому страх перед раскатами грома. Я её жалела, гладила по голове, и вскоре она вытянулась рядом со мной в постели в естественной позе. Я решила, что она собиралась заснуть, и хотела последовать ее примеру, когда Эмма мне вдруг сказала:

– Ты спишь, Саби?

– Нет, но собираюсь, – ответила я ей.

– Значит ты решила, – продолжила она, – позволить мне умереть от страха? Да, я умру, если ты снова заснешь. Дай мне руку, дорогая малышка, прошу тебя. Я позволила ей взять мою руку, и она тут же положила её между ног на свою щель, прося меня, чтобы я ее потрогала и поласкала пальцем бугорок на вершине этого места. Я это сделал из дружбы к ней, ожидая, когда она попросит меня прекратить эти пощипывания и поглаживания, но она не сказала ни слова, только раздвинула шире ноги и задышала гораздо чаще, чем обычно, исторгая время от времени несколько глубоких вздохов, и двигая задом. Я решила, что она злится на меня, и прекратила движения своего пальца.

– Ах! Саби, – прошептала она прерывистым голосом, – не останавливайся! Я кончаю. Ах! – Воскликнула она, ужасно взволнованная, и крепко обнимая меня, – поторопись, моя королева, поторопись! Ах! Ах! Быстрее, ах! Я умираю!

Когда она произносила эти слова, – продолжила Саби, – всё её тело вдруг застыло, и я снова почувствовала, что моя рука намокла. Наконец, сестра Эмма исторгла из себя тяжёлый вздох, и осталась неподвижно лежать. Я тебя уверяю, Витин, что была очень удивлена всем тем, что она меня заставляла делать.

– И тебя это не взволновало? – Спросил я её.

– Ой! Ещё как, – ответила Саби мне, – я прекрасно видела, что всё то, что я только что сделала Эмме, доставило ей море удовольствия, и мне хотелось, чтобы она мне сделала тоже самое, но я не осмеливалась ей это предложить. Между тем, она ввергла меня в очень затруднительное состояние. Я желала, но не осмеливалась ей сказать о том, чего хотела. Между тем, я с удовольствием клала свою руку на её щелочку между ног, брала её руку и помещала на различные места моего тела, не осмеливаясь, однако, положить её на то единственное место, которое, как я чувствовала, в этом очень нуждалось. Сестра Эмма, конечно же, прекрасно понимала, что я у неё просила, хитрила и позволяла мне действовать таким образом, но в конце концов, видя мое затруднение, испытала жалость ко мне и сказала, обнимая меня: «Я вижу,

плутовка, чего ты хочешь.» Тотчас же она легла на меня, и я получила, наконец, её шаловливые руки. «Раздвинь немного бедра», скомандовала мне Эмма. Я ей повиновалась. И она погрузила в мою щёлочку между ног свой пальчик, который должен был доставить мне столько удовольствия. Эмма мне преподала первый урок наслаждения. Я чувствовала, как с каждым ударом пальца, с каждым поглаживанием моей шелки блаженство начинало подбираться к сердцу и захлёстывать меня. Я ей стала оказывать в то же самое время такую же услугу. Эмма подложила свою руку под мои ягодицы, и голосом искушённой в этих делах женщины попросила, чтобы я немного двигала попкой, по мере того, как она будет продвигать свой пальчик вглубь моей шелки. Ох! Что за наслаждение она посеяла этой прелестной игривостью! Но это оказалось лишь прелюдией того, что последовало вслед за этим. Я буквально вознеслась на небо, потеряв сознание от восторга, и лишилась чувств в руках дорогой Эммы. Она была в том же состоянии. Потом мы неподвижно лежали рядом, пока я, наконец, не очнулась из своего состояния тихого, исступлённого экстаза.

Я оказалась такой же мокрой, как и сестра Эмма, и не зная, чему приписать подобное чудо, по простоте душевной полагала, что это из меня только что пролилась кровь, но я не была испугана, напротив, мне казалось, что чудо, которое я попробовала только что, ввергло меня в состояние божественного экстаза, такое у меня было желание еще раз испытать это блаженство. Я сказала об этом Эмме, но она мне ответила, что устала, и что надо немного подождать. Но я не могла ждать, я не могла терпеть, и легла на неё, так же, как она лежала только что на мне. Я переплёл мои бедра с её бёдрами, и стала тереться о них, как она это только что делала, и постепенно снова провалилась в упоительную бездну блаженства.

– Итак, – сказала мне сестра Эмма, видя, какое наслаждение я только что испытала, – сердишься ли ты, Саби, что я пришла в твою постель? Мне кажется, что ты не злишься из-за того, что я тебя разбудила?

– Ах! – ответила я ей, – вы же прекрасно знаете, что нет! Чем я могу отблагодарить вас за эту прелестную ночь?

– Маленькая проказница, – ответила она, целуя меня, в губы – мне ничего не нужно от тебя. Разве не получила я от сегодняшней ночи столько же удовольствия, сколько и ты? Ах! Я надеюсь, что ты придёшь как-нибудь ко мне ещё раз, чтобы снова испытать такое же наслаждение! Но скажи мне, дорогая Саби, – продолжила она, – не скрывай от меня ничего. Ты раньше никогда не думала о том, чем мы занимались только что?

Я ей ответила, что нет.

– Что?! – удивилась она, – ты никогда не вставляла свой пальчик в свою маленькую *copin*³? Я её прервала, чтобы спросить, что она называет этим словом *copin*. О! Глупышка, это – та щелочка, расселина у тебя между ног, которую мы ласкали только что, только по-французски, – ответила она мне. – Как?! Ты ещё не знала этого? Ах! Саби, в твоём возрасте я об этом знала гораздо больше, чем ты, и языки учила гораздо прилежнее.

– Действительно, – ответила я ей, – мне раньше не удалось ни разу испытать это наслаждение. Ты же знаешь отца Эмиля, нашего исповедника, так теперь мне кажется, что он тоже именно это пытался у меня выведать. Он меня заставляет дрожать, выпытывая у меня,

³ Copin- фр. женский половой орган, ласкательно.

не делаю ли я какие-нибудь непристойности с моими подругами, и я всегда простодушно ему верила, считая, что он прав, осуждая дружбу между подругами, но я знаю теперь, что он неправ.

– И как, – спросила меня Эмма, – объяснил ли он тебе, что это за непристойности, от которых он хочет тебя уберечь?

– Ну, – ответила я ей, – он мне сказал, например, что непристойно, когда мы засовываем палец туда... ну, ты сама знаешь, куда. Затем, когда мы рассматриваем свои бедра, грудь. Он у меня расспрашивал, не пользуюсь ли я зеркалом, чтобы взглянуть на что-либо иное, чем лицо. Он мне задает тысячу других подобных вопросов.

– Ах! Старый развратник! – воскликнула Эмма, – Бьюсь об заклад, что он не никогда прекратит расспрашивать тебя об этом.

– Ты так думаешь, – спросила я сестру, – что стоит остерегаться некоторых его действий, которые он совершает в то время, когда я нахожусь в его исповедальне, и которые по глупости своей я принимала за дружеское участие? Старый негодяй! Теперь мне понятны его намерения.

– О! И что он с тобой делал? – Взволнованно спросила меня сестра Эмма.

– Он меня, – ответила я ей, – целовал в рот, говоря при этом, что при таком приближении он может тщательнее языком ощупать моё горло, не больна ли я. С каждой исповедью он все ближе протягивает руки к моей груди, и иногда даже касается пальцами моих сосков. Когда он это делает, другую свою руку он засовывает себе под сутану, и двигает ей там какими-то маленькими рывками, трясёт ею. В это время он меня сжимает своими коленями, обнимает своей левой рукой, вздыхает, его глаза покрываются туманом, как у дохлой утки, он меня целует сильнее, чем обычно, его слова становятся бессвязными, он мне что-то рассказывает о нежности, и одновременно меня же упрекает непонятно в чём. Я вспоминаю, что однажды, вытащив руку из-под своей сутаны, чтобы дать мне отпущение грехов, он покрыл мне всю грудь чем-то теплым, какой-то белой жидкостью, которая слетала с его пальцев маленькими каплями. Я их вытерла как можно скорее моим платком, которым потом не смогла больше пользоваться от отвращения. Отец Эмиль же, с совершенно отрешённым лицом, сказал мне, что это пот пролился с его пальцев. А что думаешь об этом ты, дорогая Эмма? – спросила я сестру.

– Я тебе сейчас скажу о том, что это было, – ответила она мне. – Ах! старый грешник! Но ты действительно рассказала мне всё, Саби, – продолжила она, – всё, что у тебя было с ним?

– Как, – внезапно догадалась я, – он и с тобой что-то делал?

– Нет, безусловно, нет, – ответила она мне, – так как я его ненавижу больше смерти, – и больше не хожу к нему на исповеди, с тех пор как я стала более сведущей в этих делах.

– Но как ты обрела познания в этом вопросе? – спросила я её, – Можно мне узнать, кто тебя этому научил?

– Я согласна тебе об этом рассказать, – ответила мне сестра, – но храни эту тайну, иначе ты меня потеряешь, дорогая Саби.

– Я не знаю, Витин, – продолжила моя сестра после секундной паузы, – должна ли я тебе рассказывать о всём том, чему меня научила Эмма.

Желание узнать историю до конца захватила мой разум, который вложил в мои уста очаровательные и убедительные выражения, сумевшие победить нерешительность Саби. Я смеялся ласки с клятвами хранить тайну до гроба, и преодолел её страх, склонив к продолжению истории. Именно сестра Эмма будет дальше говорить устами Саби. Вот её рассказ:

– Мы не хозяйки нашего сердца, мы не властны над его внезапными порывами. Именно оно предлагает нам первое чувство, нам, рождёнными привлекательными и соблазнительными. Счастливы те, чьё сердце не входит в противоречие с разумом! Ведь они всегда могут в трудную минуту почерпнуть силы в своём сердце. Но должны ли мы завидовать их счастью? Нет. Пусть они пользуются плодами своей мудрости, ведь они покупают её довольно дорого, так как не знают настоящих наслаждений. Ох! Что это за мудрость, которую нам с детства вдалбливают в наши уши? Химера, слово, посвящённое тому, чтобы отвлечь нас от счастливой сладострастной жизни. Это счастье они заменили словом секс. Секс без слов и удовольствия. Хвала, которую они возносят этому физическому упражнению, относится лишь к той его составляющей, которая ведёт к продолжению рода человеческого, и для девушек, которые не в ладах с разумом, является тем же, что для ребёнка погремушка, которая его развлекает и мешает кричать. Старухи, никогда не знавшие наслаждения, которых возраст сделал уже нечувствительными к наслаждению, думают, что компенсируют своё бессилие безобразными картинками, которые они рисуют перед нашими глазами, занимаясь нашим воспитанием. Когда мы молоды, Саби, то должны иметь любого другого адвоката, но только не разум. И если ты доверяешь своим чувствам, то как бы на тебя не воздействовали, где бы ты не находилась, пусть даже в монастыре, где хотят задуть твои желания, ты всегда найдешь способ их удовлетворить.

Я была очень молода, когда моя мать, после смерти её четвертого мужа, пришла в этот монастырь, чтобы остаться в нём в качестве дамы – пансионерки, и я была очень напугана решением, которое она приняла. Не умея определить мотив моего страха, я чувствовала, что здесь я буду несчастна. Но мой возраст открыл мне путь к свету и просветил о причине моей неприязни к монастырю. Я чувствовала, что мне чего-то недоставало, и вскоре поняла чего именно – вида мужчины. Простое сожаление о том, что в монастыре я была лишена этого, вскоре сменилось размышлениями над тем, почему я столь чувствительна к отсутствию в моем окружении мужчин. Кто это такой, человек мужского пола? – спрашивала я себя. – Это вид создан Богом как то иначе, чем мы, женщины? Какова причина внутренних движений, которые их вид пробуждает в моем сердце? Это потому, что у них более привлекательные лица, чем у нас? Нет! Более привлекательные лица, или менее – это не влияет на охватывающие меня при их виде эмоции. Волнение моего сердца не зависит от их привлекательности, так как отец Эмиль, насколько уж он был мне неприятен, всё равно меня волновал, когда я оказывалась рядом с ним. Значит, какое-то другое качество мужчины вызывает эту тревогу и волнение в моём теле, но какое и почему? Чувствуя, что причина кроется в моём сердце, я не знала, как до неё добраться. Я прилагала все возможные усилия, чтобы самой, без всякой помощи, разгадать эту тайну, но мои усилия были тщетны! Я не только не приобрела новые знания, но на меня обрушились новые затруднения и препятствия.

Иногда я закрывалась в моей комнате, и предавалась размышлениям и, признаюсь, это была та компания, в которой мне нравилось более всего. Что я искала в их обществе? Когда я бродила по монастырю, я видела только женщин, а когда я была одной, я думала только о мужчинах, и зондировала моё сердце, я у него спрашивала ответ, причину того, что я чувствовала.

Я раздевалась догола, рассматривая себя с чувством сладострастия и бросая воспламененные взгляды на все части моего тела. Я горела, пылала, раздвигала бедра, сладострастно вздыхала, поскольку мое разгорячённое воображение рисовало мне картину стоящего передо мной мужчины, я протягивала руки, чтобы обнять его, и моя соnип пылала необычайным огнём, но мне никогда не хватало смелости засунуть в неё мой пальчик. Всегда останавливаемая страхом, что это причинит мне боль, я терпела в этом месте наиболее живое и непреодолимое желание, зуд, не осмеливаясь его успокаивать. Иногда я уже была готова удовлетворить свою страсть и подносила туда кончик своего пальца, но в последний момент, испуганная своим намерением, поспешно его отдёргивала и сжимала руки в кулак, пытаясь успокоиться. Наконец, однажды, я отдалась страсти, и с силой погрузила свой палец в мою маленькую щелочку между ног, и даже боль, испытанная мной при этом была столь сладостна, а наслаждение столь огромным, что мне показалось, что я сейчас умру от нахлынувшего на меня чувства. Я очнулась с непреодолимым желанием повторить сделанное, и занималась этим столько раз, сколько мне позволили мои силы. Я была очарована открытием, которое сделала только что, ведь оно распространило свет в моём сознании. Я сочла, что раз мой палец предоставил мне только что столь прелестные моменты, самые лучшие в моей жизни, нужно было, чтобы мужчины делали со мной то, что я делала только что одна сама себе, и чтобы у них было что-то, вроде моего пальца, который бы послужил им для того, чтобы поместить его туда, куда я засовывала свой пальчик, так как я не сомневалась, что это была бы настоящая дорога удовольствия и наслаждения. Дошедшая самостоятельно до этой степени познания, я чувствовала себя предельно возбужденной жестоким желанием увидеть у мужчины оригинал вещи, копия с которой мне доставила столько удовольствия.

Просвещённая моими собственными чувствами, я поняла, что вид женщины взаимно порождает в сердце мужчин желание ею обладать, и я присоединила к моей привлекательности выражение маленького согласия на моем лице, которое изобрело моё желание понравиться. Мило сжимать губы, загадочно улыбаться, бросать скромные, влюблённые, безразличные, любопытные взгляды, притворяться, что мне мешает платочек на груди, поправлять его, чтобы зафиксировать взгляд мужчины на моих окаменевших сосках, пробивавшихся сквозь лёгкую блузку, искусными движениями поправлять грудь – я обладала этими маленькими талантами в высшей степени кокетства, и делала это в присутствии мужчин непрерывно, но, здесь, в монастыре, обладание этими знаниями было напрасно. Моё сердце вздыхало в ожидании кого-нибудь, кто узнал бы о моих знаниях и умении, и кто познакомил бы меня со своими, что, несомненно, дало бы блестящий результат.

Постоянно пребывая в монастырской клетке, я ожидала, когда судьба пошлёт мне счастье, о котором я уже давно и бесполезно мечтала. Пока же я завела себе подруг из числа пансионеров, которых приходили навещать их братья. Во время этих визитов я не забывала заходить по какой-нибудь пустячной причине в комнату для визитов, стремясь, чтобы они увидели меня, и я осмеливаюсь сказать, что это не прошло безнаказанно для меня.

Я там рассмотрела однажды красивого юношу, чьи чёрные и живые глаза с интересом ответили на мой взгляд. Чувство деликатное и пикантное, не похожее даже на обычное чувство удовольствия от присутствия мужчин, охватило меня, приятно взволновав и заставив обратить на него моё внимание. Упорство моих взглядов, которые он вначале достаточно равнодушно отклонил, оживило его. Он был отнюдь не робкого десятка, даже, скорее, был смел не по годам. Впрочем, эта смелась зиждилась на красоте его лица и фигуры, которая, можно предположить, помогала ему добиваться успеха со всеми женщинами, которых он хотел атаковать. Он умело пользовался моментами, когда его сестра отвлекалась, и делал мне знаки,

смысл которых я абсолютно не понимала, но моё маленькое тщеславие хотело, чтобы я делала вид, что всё поняла, и отпускала ему улыбки, которые настолько приободрили юношу, что он перешёл на недвусмысленные жесты, которые я уже вполне поняла. Он клал свою руку между своими бёдрами, и я покраснела, но, несмотря на это, неотрывно следила уголками глаз за его движениями. Он стал двигать этой рукой, а потом приложил к ней другую руку, как бы показывая расстояние. Не нужно быть семи пядей во лбу, чтобы понять, что он хотел сказать что то, что он трогал только что, было равно той длине, которую он мне продемонстрировал. От его действий внутри меня запылал огонь. Природная стыдливость хотела, чтобы я удалилась, но стыдливость – это слишком слабое сопротивление для пылающего сердца, готового, без всякого сожаления, её предать. Любовь меня заставила остаться. Я робко опустила глаза, но скоро они вновь коснулись глаз Кристапа (это было его имя), и я хотела, чтобы мой взгляд показался ему рассерженным. Но наслаждение, которое я испытывала от взгляда на него, от его милых жестов, сделало меня бессильной. Он это чувствовал, он увидел, что у меня не было сил его осуждать, и воспользовался моей слабостью, и чтобы окончательно добить меня, он сложил левую руку кольцом, как будто это щель, и стал её протыкать пальцем другой руки, делая при этом вид, что он испускает сладострастные вздохи. Плут мне напомнил этим слишком известные мне прелестные обстоятельства моего познания собственного тела, и горячая волна захлестнула меня, лишив сил засвидетельствовать ему гнев, который он заслуживал, проявляя столь явное неуважение ко мне. Ах! Саби, если бы ты знала, какое удовольствие на самом деле мне доставила эта игра, как я была довольна этим развращённым парнем! И чего я только себе не на воображала в этот момент, какие упоительные и развратные сцены наслаждения не промелькнули перед моими глазами в эти несколько минут.

В этот момент мою подругу вызвали к другой сестре, и она нам сказала, что посмотрит, что от неё хотят и тотчас же вернётся. Её брат воспользовался этим моментом, чтобы объяснить со мной. Он не держал длинных речей, но был многозначителен, и произнёс всего один комплимент. И хотя Кристап не был абсолютно учтивым, мне он показался столь естественным, что я об этом вспоминаю с удовольствием. Мы, женщины, другие, нам льстит больше речь, где от имени мужчины говорит его природная натура, его естество, а не приобретённые непонятно где знания, заставляющие его отвешивать женщинам размеренные, пресные комплименты и выражения, которые сердце женщины отказывается принимать, а ветер относит в сторону. Давайте вернёмся к комплименту Кристапа, который звучал примерно так: «У нас нет времени, чтобы его терять, вы прелестны, и мой член напряжен, как у монаха-бенедиктинца после долгого воздержания в горном ските, и я умираю от желания поместить его в вас, так что преподавайте мне, прошу вас, способ, как это лучше всего сделать в вашем монастыре.» Я была так оглушена его словами и телодвижениями, что осталась неподвижно сидеть, словно истукан, и он воспользовался этим, чтобы беспрепятственно расстегнуть мое платье. Сделав это, он стал щупать мои груди, а потом склонился надо мной, как коршун над добычей, и стал целовать и щекотать языком соски моих грудей, ввергнув меня в такое состояние экстаза, что я была уже не в состоянии остановить его, когда он вытащил свою, неведомую мне до сих пор, напряжённую штукювину из штанов, и дал мне её в руки, так что его сестра очень удивилась, вдруг застав нас по возвращении за этим занятием. Она тут же заявила, что её брат, ни много ни мало, а самая настоящая дикая обезьяна, что он оскорбил нас, и больше я его никогда не видела. по

Вскоре весь монастырь узнал о моём приключении, за моей спиной постоянно шептались, на меня косо смотрели, посмеивались при виде меня. Меня это мало беспокоило, лишь бы только этот шёпот не дошёл до пансионерок. Я была уверена в скромности и умении хранить тайну моими очаровательными сёстрами из монастыря, но не питала никаких иллюзий в отно-

шении монахинь, этих сестёр-уродин. Эти страшилы, уже уверовавшие в то, что у них никогда не будет возможности согрешить, кричали на каждом углу о скандале, вначале тихо, затем уже громко, да так пронзительно, что вскоре о нём стало известно всем. И если вначале я смеялась над распускаемыми обо мне слухами, то теперь уже испугалась. У меня были для этого основания, так как матери послушниц тайно собрали совет, чтобы обсудить между собой то, как я имела наглость позволить ласкать мужчине соски своих грудей, что в глазах этих старых мумий, соски которых годились только на то, чтобы забросить их вместе с их тощими грудями на плечо, являлось непростительным преступлением. Совет матерей монастыря счёл мой проступок серьёзным, и любая другая, кроме меня, должна была бы быть отчислена немедленно. Ах, Боже мой, как же я сама я этого желала! Но меня решили оставить, решив, что теперь у меня нет выбора, и я просто обязана постричься в монахини. Моя мать с этим безропотно согласилась. Я предвидела такой результат, и потому заперлась в своей комнате, так что общество косных мамаш и сестёр-монашек было вынуждено взламывать её, чтобы провести церемонию. Когда им это удалось и они ворвались в мою комнату, я не мешкая укусила одну из них, исцарапала другую, пнула ногой третью, разорвала им нагрудники, сорвала белоснежные чепчики, и защита моя была столь действенной и яростной, что мои противницы отказались от своего замысла. Стыдно кому сказать, но шесть матерей не смогли укротить молоденькую девушку, ибо я сражалась аки львица в тот момент.

Бешенство, охватившее меня во время моей защитной операции, равно как и её успех, окрыли меня, ввергнув в состояние эйфории. Но вскоре воодушевление уступил место отчаянию, и я заплакала.

Как я смогу вновь появиться в монастыре? – спрашивала я себя, – надо мной же все будут смеяться, все отвернутся от меня. Ах! Я покрыта печатью бесчестья!

Я хотела пойти найти мою мать, ведь, хотя она и имела основания меня порицать и даже проклинать, но ведь она меня родила, а значит, возможно, и сможет простить. Один мальчик мне поласкал... Ну и что... Итак, в чём состоит моё великое преступление? Что я на это согласилась...? Таким образом я рассуждала. Да, мне нужно найти мою мать. С этим намерением я встала со своей постели, и сделала шаг, чтобы открыть дверь, как вдруг что-то упало мне прямо под ноги, я споткнулась и упала.

Я, естественно, захотела посмотреть на то, что сбило меня с ног. Осмотревшись вокруг, я нашла, искомое. Вообрази... этакое грандиозное творение одной мужской штуковины в натуральном виде, которую мое воображение частенько являло мне в последнее время. И она явилась перед моими очами! Я её, наконец-то, увидела!

– О! Что это? – Спросила я у сестры Эммы.

– Ах! – Ответила она мне, – я думаю, что ты не долго останешься в неведении относительно этой штуковины. Такая красавица, как ты, недолго будет пребывать без внимания любезных кавалеров, которые будут счастливы помочь тебе в обучении любовным делам! Но на них не падёт слава быть первыми, отныне эта честь принадлежит мне. Увидев один раз, дорогая Саби, член мужчины, а именно его называют мужским членом преимущественно потому, что он – король среди всех других мужских частей тела. Ах! Пусть он заслуженно носит это имя! Но если бы женщины были справедливы, и отдали бы этой части мужского тела заслуженную честь, то они называли бы её божественным членом. Да, именно он им и является, и наша щель, влагище – это его поместье, а плотское наслаждение – его сущность, и он его

ищет в самых сокровенных и потайных местах. В этих поисках он неистощим, он проникает, он погружается, он пробует, он заставляет его искать... он там рождается, он там умирает и возрождается тотчас же для нового поиска райского наслаждения. Но не только ему одному принадлежит эта заслуга. Подчинённый законам воображения и взгляда, без женщины он не может ничего, он мягкий, вялый, маленький, и не осмеливается показываться на наши глаза, прячась между бёдрами мужчины. С нами же он гордый, горячий, бурный, он угрожает, устремляется вперёд, пробивает, разрушает всё то, что осмеливается оказать ему сопротивление.

– Подожди, – говорю я сестре, прерывая её, – ты забываешь, что говоришь это новичку, и мои мысли и догадки заблудились в твоих похвалах этому члену. Я чувствую, что наступит тот день, когда я стану обожать этого бога, о котором ты говоришь, но он еще странен для меня, непонятен, и прежде чем его полюбить, надо хорошенько его узнать, так что соразмерь, пожалуйста, свои выражения со слабостью моих знаний, объясни мне простыми словами всё то, о чём только что рассказала.

– Я это и хочу сделать, – ответила мне сестра Эмма. – Не удивляйся, когда ты его увидишь маленьким, вялым, сморщенным и мягким отростком, он такой, когда бездеятелен, то есть, когда мужчины не возбуждены или видом женщины, или представлениями о ней, но попробуй предстать перед их очами, обнажи перед ними свою грудь, позвольте им увидеть твои торчащие от возбуждения соски, покажи им твою тонкую талию, обнажённую ножку, потому что милости и красоты женского лица им никогда не было достаточно. Что поражает воображение этого бога, что заставляет его восставать, принимать угрожающий вид, поражать нас своими размерами, так это когда его взгляд проникает сквозь нашу одежду на обнажённые части нашего тела. Он представляет себе самый очаровательный портрет, какой в состоянии нарисовать его воображение, мужчинам кажется, что они видят прекрасные возбуждённые соски у тех, у кого их сроду нет, они видят упругую аппетитную грудь там, где вместо неё подложен кусок ткани, им представляется гладкий и белый живот, круглые, пухленькие и твёрдые бедра, маленький комочек нежных волос в том месте, где прячется малышка *copin*, окружённая ореолом юности. Они думают в это время о том невыразимом наслаждении, которое они бы получили, если бы могли вложить в неё свой член. В этот момент этот их орган начинает оживать, становится толстым, растягивается, отвердевает, и чем он толще и длиннее, тем большее удовольствие он доставит женщине, потому что он полнее заполняет её малышку, ласкает сильнее, доставляет больше наслаждения, погружаясь в вас глубже, дотрагиваясь до самого дна и вызывая небесное забытьё божественного наслаждения.

– Ах! – Сказала я Эмме, – как я тебе обязана за этот твой рассказ! Мне теперь известны способы, как понравиться мужчине, и при случае я не буду стесняться показать мужчине мою грудь и соски.

– Не торопись! – воскликнула сестра Эмма, – это не самое хорошее средство понравиться, для этого требуется гораздо больше искусства, чем ты думаешь. Мужчины странны в своих желаниях, они были бы рассержены тем, что с лёгкостью получают от тебя те удовольствия, которую они не могут, однако, попробовать без тебя. Их эгоизм и ревность настраивают их против всего того, что не исходит из них самих. Они хотят, чтобы им представляли объекты их желаний, покрытые тонким флёром недоступности и тайны, которая оставляет работу для их воображения, и женщины от этого ничего не теряют: они могут отдохнуть, представив заботу дорисовывать их привлекательность мужчинам, а те всегда допишут портрет красивее, чем персону, им позирующая. И именно эта картина, которую мужчина рисует сам себе, порождает его желания и любовь, а это – одно и то же, так как, когда мы говорим, что господин влюблён

в госпожу, то подразумеваем, что господин увидел госпожу, и её вид пробудил желания в его сердце, и он сгорает от желания вложить свой член в ее влагище. Вот в действительности что хочет сказать господин даме, но приличия требуют, чтобы вместо этого он произнёс: «Мадам, я вас влюблён.»

Очарованная всем, что сестра мне рассказала, я между тем продолжала сгорать от нетерпения узнать окончание её истории. Я торопила Эмму продолжать повествование, не останавливаясь.

– Охотно, – сказала она мне, – мы немного задержались на мужском члене, но знакомство с этой деталью было необходимо для твоей подготовки, для понимания моего последующего рассказа. Давай возвратимся к неожиданности, которую мне причинил вид этой ловко сделанной машины, которую я собиралась только что поднять.

Я тысячу раз слышала рассказы о *godmiché*⁴, и знала, что именно с этим инструментом наши добрые матери успокаивались в строгости безбрачия. Эта машина имитирует мужской член, и предназначена для того, чтобы выполнять те же самые функции, что и орган, который она имитирует, она пуста и её можно наполнить тёплым молоком, чтобы обеспечивать более совершенное сходство, и изливаться во время оргазма этим искусственным заменителем той жидкости, что природа проливает из члена мужчины. Когда те, кто этим творением пользуются, начинают впадать в экстаз после многократного погружения его в свою щель, для усиления эффекта они отпускают маленькую пружину, тут же молоко выливается и наводняет их пещерку. Как будто это сделал настоящий мужчина, закончив своё соитие. Они обманывают, таким образом свои желания, помогая забыть суровую реальность их мира без живых мужчин. Я сочла, что это ценное украшение выпало в борьбе со мной из кармана какой-то из матерей, напавших на меня. Я, однако, не была уверена, что это был действительно настоящий *godmiché*, хотя мое сердце подсказывало мне, что так оно и есть. Вид этого приспособления рассеял всю мою боль, я думала только о том предмете, что держала в своей руке, и мечтала только об одном – тотчас же испробовать его. Невероятная толщина этой игрушки меня, по правде говоря, пугала, но одновременно, и воодушевляла. Мои опасения, однако, вскоре подчинились жару, который вид *godmiché* во мне разжёл. Приятная истома, посланец наслаждения, которое мне предстояло испытать, распространилась по всему моему телу, оно дрожало от волнения в предвкушении наслаждения, а грудь моя исторгала из себя произвольные вздохи и стоны.

Боясь неожиданного сюрприза... сама понимаешь, какого, я для начала закрыла на засов дверь в мою комнату и, не оставляя ни на секунду вне поля моего зрения *godmiché*, разделась со всем жаром невесты, которая собирается поместиться на свадебное ложе. Сама идея тайной утехы, которая должна была доставить мне столько наслаждения, и центральным предметом которой я собиралась бесконечно упиваться, придавала живость моим движениям, очаровывая меня. Я бросилась на мою постель с драгоценным *godmiché* в руке, но, дорогая Саби, каково же было мое отчаяние, когда я увидела, что не могу его ввести в свою упругую *copin*! Я отчаялась поначалу, но нашла в себе силы и желание, приложила невероятные усилия, способные разорвать мою бедную маленькую *copin*, пытаюсь ввести в своё тело этого сладострастного монстра. Я снова и снова раздвигала бедра, и, поддерживая *godmiché* сверху, с силой толкала его в себя, причиняя себе невыносимую боль. Но я не унывала. Я резонно решила, что если натру *godmiché* мазью, то это поможет ему проникнуть в меня. Я смазала *godmiché* мазью с оливко-

⁴ Godmiché- фр. Дилдо, фаллоимитатор.

вым маслом, которая перемешалась с моей кровью на его стенках, кровью ярости, вытекавшей из моего влагилица, в которое я с бессильным бешенством пыталась затолкать godmiché. Без сомнения, мой сладострастный туннель с удовольствием принял бы этот инструмент, не будь он такой необычайной толщины. Я буквально физически, осязаемо, видела наслаждение около меня, осязала его, держа в своей руке, и не могла получить. Я неистовствовала, удваивала мои усилия, но бесполезно, проклятый godmiché выскакивал из меня, как пробка из мадам Клико, доставляя мне только боль, и ничего кроме неё. «Ах! Воскликнула я, если бы Кристап был здесь, он бы справился со мной, хотя у него эта штука еще больше... я бы смогла... я чувствую в себя достаточно мужества, чтобы вытерпеть его.» Да, я его приняла бы, я ему помогла бы, может быть, он разорвал бы меня на части и я бы умерла, но умерла... довольной! О, как бы я была счастлива в этот момент. Если бы он вставил свой громадный член в мою маленькую copin! Даже если бы он доставил мне боль, то полученное наслаждение сделало бы эту боль сладостной! Я бы его держала в моих руках, я бы его тесно сжимала, и он бы меня нежно обнимал, я бы оставила на его ярко-красном рте тысячу воспламенённых поцелуев, я щедро поделилась бы этими поцелуями с его глазами, его красивыми черными глазами, полными огня и страсти. О, Боже, какое наслаждение! Уверена, Кристап ответил бы на мой порыв такой же огненной страстью, и стал бы на всю жизнь моим идолом! Да, я бы его обожала и боготворила, красивый мальчик заслужил это. Наши души смешались бы, они соединились бы на наших жгучих губах. Ах! Дорогой Кристап, почему ты не здесь? Какое наслаждение! Любовь была изобретена для нас, мы бы предавались всем оттенкам наслаждения и способам любви, что страсть внушила бы мне. Но, увы! Разве может меня удовлетворить эта иллюзия, хоть и приятная? Я одна! Я в одиночестве, и, к тому же, эта боль, вцепившаяся в меня... я держу в моих руках лишь тень, призрак удовольствия, который только увеличивает моё отчаяние, лишь вдохновляет мои желания, не умея их удовлетворить. «Проклятый инструмент, – продолжила я, окликающая godmiché, с бешенством забросив его на середину комнаты, – ты собираешься быть отрадой несчастной или нет? Мой палец в тысячу раз лучше, чем ты! И тотчас же я прибегла к его помощи, доставив себе столько наслаждения, что забыла о потере тех, что мечтала получить с godmiché. Голова моя упала на подушку, и утомлённая наслаждением, я заснула, думая о Кристапе.

Проснулась я следующим днем очень поздно. Сон ослабил мой влюбленный организм, но ничего не изменил в решении, принятом накануне – уйти из монастыря. Те же причины, которые меня побудили принять это решение, заставили меня предпринять ещё более решительные усилия для его выполнения. Я решила, что отныне я девушка свободная, и первый мой свободный шаг свободной девушки состоял в том, что я позволила себе поваляться в постели до десяти часов утра. Колокол часовни звонил напрасно, я не появилась на утренней молитве. Меня радовала та злость и досада, которую мое непослушание должно было вызвать у наших старух. В конце концов я встала с кровати и оделась, и чтобы не позволить себе отказаться от своих намерений, начала день с того, что порвала свою одежду пансионерки, дабы помешать моим обязательствам последовать за моим намерением, Я почувствовала, как сердце мое начинает легко дышать, мне показалось, что я только преодолела барьер, который стоял на моем пути к свободе. Но лишь только я зашла в свою комнату, как этот проклятый godmiché снова предстал перед моими глазами. Его вид немедленно ввёл меня в оцепенение, я остановилась, взяла его в руки, и присев на кровать, принялась рассматривать этот инструмент. «Как же он красив! – говорила я, беря его с нежностью в руку, – как он длинен, насколько приятен на ощупь!» Жаль, что он был столь крупным, моя рука едва может его обхватить! Но нет – бесполезно. «Нет, никогда он не сможет мне послужить», – говорила я, задирая вверх, тем временем, мою юбку и пытаюсь снова его ввести в место, которое мне ещё доставляло острую боль от усилий, которые я предприняла накануне. Я снова столкнулась с теми же труд-

ностями, и вместо того, чтобы как вчера, удовлетворить себя своим пальцем, продолжила ласкать себя огромным godmiché. Я работала с упорством и мужеством, которые мне внушал сам вид этого инструмента, но не получала от этого никакого удовольствия, моя рука двигалась машинально, а моё сердце не чувствовало ничего. Моментальное родившееся в моей душе отвращение к этому предмету зародило у меня мысль, которая мне немного польстила. Я уйду из этого монастыря со скандалом, – сказала я себе. – Отнесу-ка я этот инструмент матери-настоятельнице, посмотрим как она его возьмет в руки.

Я заранее решила, уходя в квартиру настоятельницы, поставить её в неловкое положение, смутить, показав ей godmiché, а посему я отправилась напрямиком к ней и найдя её в одиночестве среди распятий и двусмысленных картин, бесстрашно посмотрела ей прямо в глаза.

– Я действительно знаю, госпожа, – сказала я ей, – что после того, что вчера произошло, после того оскорбления и позора, которое вы желали мне нанести, я не имею больше чести оставаться в вашем монастыре. (Она на меня удивлённо смотрела, не отвечая, что придало мне решимость продолжать). Но, госпожа, не доходя до подобных крайностей, даже если бы я сделала ошибку, а это, о чём я не договариваю, не ошибка, а насилие, которое недостойный юноша по имени Кристап совершил в отношении меня, вы лишили меня возможности защищаться, и, конечно, вы могли бы довольствоваться тем, что сделали бы мне выговор, внушение, хотя, ещё раз повторяю, я и его не заслуживала, – произнося эти слова, я стала огорчённо стелать, так как понимала, что глядя на моё довольное лицо, было довольно трудно поверить в искренность моих слов.

– Выговор, барышня, – ответила она мне сухо, – внушение... И это в отношении вас, после таких действий, что вы совершили! Неужели вы не понимаете, что заслуживаете образцового наказания, и если бы не наши отношения с госпожой вашей матерью, которая является поистине святой дамой, вас...

– Но вы не наказываете всех виновников случившегося, – громко прервала я её, – и в вашем монастыре есть такие личности, кто действительно делают нечто иное, нежели я!

– На самом деле что-либо иное? – переспросила она, – назовите их мне, я их накажу.

– Я вам их не могу назвать, – ответила я ей, – но я знаю, что одна такая недостойная дама была среди тех, кто меня вчера обсуждал... и осуждал столь недостойно.

– Ах! – Воскликнула настоятельница, – как далеко простёрлась твоя наглость! Вот что значит развращённость сердца и распущенность разума, как далеко они могут зайти! Праведные небеса, как можно было обратить свою клевету на самых святых из наших матерей, пример добродетели, целомудрия и покаяния, Господи, Боже наш, какая испорченность сердца!

Я ей позволила спокойно закончить похвалу этим старухам, и когда увидела, что она остановила этот поток гнусности из своих уст, спокойно вытащила godmiché из моего кармана и представила его её взору: «Вот, – произнесла я, так же спокойно, как и раньше, – доказательство их святости, добродетели, целомудрия, или, по крайней мере, одной из них!» Я спокойно держала в своих руках эту деликатную вещицу, рассматривая в тоже самое время лицо нашей доброй настоятельницы. Она растерянно смотрела на меня, краснела, казалась озадаченной, сбитой с толку. Эти произвольные свидетельства на её отнюдь не божественном лице мне не позволили сомневаться в том, что godmiché не принадлежал ей, и я в этом была ещё более

убеждена после того, как увидела, с каким жаром, с какой живостью она у меня забрала его из рук.

– Ах! Моё дорогое дитя, – сказала мне настоятельница (восстановление добрых отношений между нами было удивительным, и произошло сразу же после того, как я ей вручила godmiché, так что эффект был прямо противоположным тому, что я ожидала), – Ах! Моя дорогая девушка, возможно ли, что в доме, где столько примеров божественного созидания и почитания, оказались души, оставленные без Божественного присмотра, чтобы стало возможным их использование для таких постыдных действий? Ах! Мой Бог! Я вне себя от этого происшествия. Но, мой дорогой ребёнок, прошу вас, никогда не говорите никому, где вы нашли это. Я сама проведу расследование и установлю, как это могло попасть в наш дом Христовый. Но вы, невинное дитя, почему вы хотите нас оставить? Прошу вас, пойдите, вернитесь в вашу комнату, и я все исправлю, я скажу, что произошла ошибка. Положитесь на мою привязанность к вам, так как я вас очень люблю. Будьте уверены, что никто не бросит больше на вас дурного взгляда, несмотря на то, что произошло. Я прекрасно вижу, что действительно мы ошиблись в оценке произошедшего: вы не были виновны. Я хорошенько, обстоятельно поговорю с сестрой Кристапа. Иисус, мой Бог, – продолжила она, глядя на godmiché, – не зря говорят, что демон хитёр. Я верю, о небеса, простите меня, что это – одно из творений его. Ах! Какая гадкая вещь! Отвратительная вещь!

Когда настоятельница заканчивала свою речь этими словами, вошла моя мать.

– Что же вы выяснили, моя госпожа? – с порога произнесла она, обращаясь к настоятельнице, и тут же, не дожидаясь ответа, повернулась ко мне, обращаясь с речью, – И вы, барышня, почему вы оказались здесь?

Нужно было что-то ответить ей, но я была смущена неожиданным появлением матери и не знала, что сказать, покраснела и опустила глаза, грудь моя сжалась, и я стала заикаться, не в силах выдать из себя ни одного слова. Настоятельница ответила вместо меня, и это было совершенно благоразумно. Она сказала, что я совершенно не виновата в происшедшем, что она не получила никаких доказательств, дающих основание поверить в мою вину. Моя ошибка была лишь в том, что волею независящих от меня обстоятельств я оказалась наедине в комнате вместе с молодым негодяем, которому отныне больше не разрешается переступать порог нашего монастыря и, в заключение, следует признать, что только сестра Кристапа совершила преступление, виновна в происшедшем, поскольку именно она оставила вашу дочь наедине со своим братом, а потом растрезвонила всё то, о чём следовало молчать, поскольку была задета честь её брата. Так что необходимо исправить оскорбление, которое было нанесено вашей дочери. Вот так, совершенно чудным образом, я вышла из этого приключения белая и пушистая, как снег, приобретя неожиданного защитника своей чести. Мать моя сразу изменила своё отношение ко мне, и стала говорить со мной с мягкостью, которая меня тронула. Так что, следует признать, что усердные души для славы Бога могут извлечь пользу из всего.

Моя мать меня почти обратила в другую веру своими проповедями. Это обращение к праведной жизни привело к тому, что я почувствовала потребность признать свои ошибки, и отец Эмиль, почувствовав это, на исповеди буквально вырывал из меня признание в моих грехах. Бог знает, какое удовольствие он получал от этого, этот старый грешник! Я ему никогда ничего такого, о чём рассказываю тебе, не говорила, так как я не считала, что Бог осудит бедную девушку за то, что она не слишком торопилась облегчить свою душу. Ведь она не сделала это сама, и разве это её ошибка, если у неё присутствуют желания, если она влюблена? Несомненно.

мненно, это ошибка Божественного провидения, если у неё нет мужа, чтобы её удовлетворять? Что недостойного в том, что бедная девушка пытается успокаивать эти желания, пожирающие, сжигающие её, пользуясь средствами, которые природа или мастерство рук человеческих ей дает... в этом, несомненно, нет ничего менее преступного.

Несмотря на то, что я открыла отцу Эмилию лишь небольшие секреты, я не позволяла ему их использовать, чтобы выведать у меня большие. Следовало ли мне в этом раскаиваться? Нет. Настоящая причина этих отказов была в моих опасениях, что отпустив мне грехи, святой отец доведет содержание исповеди до ушей многих моих недоброжелателей, дав им новый повод для злословия, новую возможность торжествовать. Однажды, после исповеди, я присела на скамеечку для молитвы, сбоку от алтаря. Мои слезы и переживания меня утомили, и я заснула. Во время моего сна в моих прелестных мечтах ко мне явился Кристап. Мне снилось, что он обнял меня и прижался ко мне своими бёдрами. Я раздвинула свои, чтобы как можно теснее прижаться к нему. Он гладил мои груди, раскрыл платье, и стал целовать мои разбухшие соски. От нахлынувшего на меня возбуждения я проснулась и поняла, что действительно была в руках мужчины. Ещё пребывая в мире наслаждения после моего сна, находясь между фантазией моего сновидения и реальным миром, я полагала, что счастье превратило иллюзию в действительности. Я думала, что сзади меня обнял мой любовник, но это было не он! Кто-то другой меня страстно обнимал сзади, вставив что-то твёрдое в мою маленькую пещерку. Едва открыв глаза, я их закрыла вновь от нахлынувшего на меня наслаждения, и у меня не было сил посмотреть, кто мне его давал. Вскоре я почувствовала себя наводнённой тёплым ликёром, и чем-либо твёрдым и сжигающим, что в меня углублялось со вздохами любви. Сладострастие затуманило мою голову, и я снова упала без движения на мою скамеечку для молитвы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.